

*Четырем читателям —
вы знаете, кто вы*

Часть I

Мы должны прощать наших врагов,
Но не прежде, чем их повесят.

Генрих Гейне

Великий уравниатель

Чертов туман. Застилает глаза, так что ничего не видишь дальше нескольких шагов. Лезет в уши, так что ничего не слышишь или не понимаешь, откуда идет звук. Забывает ноздри, так что ничего не чувствуешь, кроме влаги и испарений. Чертов туман. Сущее проклятие для разведчика.

Несколько дней назад они перешли Белую, оставили Север за спиной и оказались в Инглии. С тех пор Ищейка все время дергался. Еще бы — они шли вслепую по незнакомой земле, в самой гуще чужой войны. Парни тоже дергались. Ни один из них, за исключением Тридубы, раньше не покидал Север. Ну разве что Молчун — тот не рассказывал, где побывал.

Они миновали несколько выжженных ферм и деревню, где не встретили ни души. Большие квадратные дома, постройки Союза. Они видели следы, и людей, и лошадей; множество следов, но ни единого живого человека. Ищейка знал, что Бетод где-то рядом, что его армия рыщет по стране в поисках городов, которые надо сжечь, еды, которую надо забрать, и людей, которых надо убить. Наверняка во все концы разослали лазутчиков. Если Ищейку или кого-то из парней поймут, пленник вернется в грязь, и смерть его не будет легкой и быстрой. Много крови, кровавые кресты, головы на пике и все такое прочее, как пить дать.

Если же они попадутся в руки союзников, то, скорей всего, тоже станут покойниками. Ведь идет война, а на войне люди не склонны к рассуждениям. Ищейка сильно сомневался, что кто-то станет тратить время на то, чтобы отличить дружественного северянина от враждебного. Жизнь до краев полна опасностей.

Это хоть кого заставит нервничать, а Ищейка и в лучшие времена не отличался спокойствием.

Поэтому проклятый туман был как соль на рану, если можно так выразиться.

Пока они кралась в полумраке, Ищейке захотелось пить. Он пробрался сквозь мокрый кустарник в ту сторону, откуда доноси-

лось журчание реки, и опустился на колени у кромки воды. Берег был илистый, сплошная тина и палая листва, но Ищейка решил, что это ерунда, — на нем уже столько грязи, что грязнее некуда. Зачерпнул воды в горсть и принялся пить. Здесь, внизу, не было деревьев и тянуло легким ветерком. Туман то наползал на минуту, то рассеивался. Тут Ищейка его и заметил.

Человек лежал на животе — ноги в воде, туловище на берегу. Какое-то время они глазели друг на друга, потрясенные и застигнутые врасплох. Из спины человека торчала длинная палка. Сломанное копьё. Только увидев это копьё, Ищейка понял, что перед ним мертвец.

Он выплюнул воду и пополз прочь, настороженно озираясь, чтобы убедиться, что никто не собирается воткнуть нож ему в спину. На вид покойнику было лет двадцать пять. Соломенного цвета волосы, бурая кровь на серых губах. Одет в утепленную куртку, раздувшуюся от влаги, какие обычно носят под кольчугой. Значит, боец. Должно быть, отстал от своего отряда и угодил во вражескую засаду. Парень, конечно же, был из союзников, но не особо отличался от Ищейки или любого другого — теперь, когда был мертв. Трупы вообще мало отличаются друг от друга.

— Великий уравниватель, — прошептал Ищейка себе под нос; у него было задумчивое настроение.

Так это называли горцы — в смысле, так они называли смерть. Она уравнивает все различия. Названные и ничтожества, южане и северяне — все в итоге попадают к ней, и она со всеми обходится одинаково.

Похоже, парень пролежал здесь не больше пары дней. Если так, то его убийца мог находиться где-то поблизости, и эта мысль обеспокоила Ищейку. Теперь туман казался ему полным звуков: может, там сотня притаившихся карлов или это речка плещет о берег? Ищейка оставил труп лежать возле воды и нырнул в лес, перебегая от одного выступавшего из серой мглы ствола к другому.

Потом он едва не споткнулся о другое тело, наполовину погребенное под кучей листьев, — оно распростерлось на спине с раскинутыми руками. Миновал еще одного мертвеца с парой стрел в боку — тот стоял на коленях лицом в грязь, задницей кверху. В смерти нет никакого достоинства, это уж точно. Ищейка торопился, ему не терпелось вернуться к своим, рассказать им о том, что видел. Поскорее убраться подальше от этих трупов.

Разумеется, на своем веку он повидал их предостаточно, больше, чем хотелось бы, однако ему всегда бывало не по себе рядом с мертвецами. Проще простого превратить живого человека в труп — Ищейка знал тысячи способов, — но после того, как дело сделано, обратного пути нет. Вот только что был человек со свои-

ми надеждами, мыслями и мечтами, имел друзей, семью, родные места — а в следующую минуту превратился в грязь. Ищейка стал вспоминать все переделки, в которых побывал, все битвы и стычки, в которых участвовал, и думать о своей удаче, позволившей ему выжить. О своей глупой удаче. О том, что удача может быстро закончиться.

Он уже почти бежал, забыв об осторожности и спотыкаясь в тумане, как неопытный мальчишка. Не выжидал, не принохивался к ветру, не прислушивался к звукам. Названный вроде него разведчик, исходивший Север вдоль и поперек, должен действовать осмотрительно, но нельзя быть все время наготове. Ищейка и не заметил, как все случилось.

Что-то ударило его в бок, и он упал лицом вперед. Ищейка тут же вскочил на ноги, но кто-то снова пинком вернул его на землю. Он боролся, но неизвестный оказался очень сильным. Через мгновение Ищейка уже лежал в грязи на спине, и виноват в этом был только он сам. Он сам, и эти трупы, и этот туман. Чья-то рука схватила его за горло и стала душить.

— Гхх, — задыхался Ищейка.

Он цеплялся за руку душителя, понимая, что последний миг близнится, что все его надежды возвращаются в грязь. Великий уравнитель наконец пришел и за ним...

Потом сжимавшие глотку пальцы ослабели.

— Ищейка, — проговорил голос над его ухом, — ты, что ли?

— Ыхх.

Рука отпустила горло, и Ищейка втянул в себя воздух. Он почувствовал, как кто-то тащит его вверх за куртку.

— Ищейка, дерьмо собачье! Я тебя чуть не прикончил!

Теперь он узнал этот голос. Он знал его очень хорошо. Черный Доу, ублюдок. Ищейка был и зол на то, что его едва не задушили, и по-глупому счастлив оттого, что остался жив. Он слышал, как Доу смеется над ним: хриплый смех, словно ворона каркает:

— Ты в порядке?

— Бывали встречи и потеплее, — просипел Ищейка, по-прежнему с трудом глотая воздух.

— Да ты, считай, везунчик. Я мог и прохладнее встретить. Ты б совсем холодным стал. Я принял тебя за Бетодового лазутчика. Думал, ты ушел туда, вверх по долине.

— Как видишь, нет, — просипел Ищейка. — Где остальные?

— Вон, на холме, над этим сучьим туманом. Осматриваются.

Ищейка кивнул назад, в ту сторону, откуда пришел:

— Там трупы. Целая куча трупов.

— Целая куча, неужели? — переспросил Доу. Он словно сомневался, знает ли Ищейка, как выглядит куча трупов. — Ха!

— Да. Во всяком случае, их там полно. Союзники, думаю. Похоже, здесь была заварушка.

Черный Доу снова рассмеялся.

— Заварушка? Ты думаешь?

Ищейка не понял, что он имел в виду.

— Дерьмо, — проговорил он.

Они стояли на вершине холма, все пятеро. Туман расчистился, но теперь Ищейку это не радовало. Он наконец понял, о чем говорил Доу, увидел очень ясно: долина была завалена мертвецами. Трупы лежали на высоких склонах, застрявшие между скал и распластанные в кустарнике. Трупы были разбросаны на дне долины, словно высыпанные из мешка гвозди, — скорчившиеся изломанные фигурки на бурой грунтовой дороге. Трупы были свалены штабелями на берегу реки. Руки, ноги и обломки оружия торчали над последними клочьями тумана. Трупы были повсюду — нашпигованные стрелами, исполосованные мечами, раскроенные секирами. Вороны с карканьем перепрыгивали от одной трапезы к следующей, для них нынче выдался хороший денек. Давно Ищейка не бывал на настоящем поле боя после сражения, и это зрелище воскресило в нем мрачные воспоминания. Очень мрачные.

— Дерьмо, — повторил он. Других слов не нашел.

— Похоже, союзники двигались по этой дороге. — Тридуба насупил тяжелые брови. — И сдается мне, торопились. Хотели застать Бетода врасплох.

— Похоже, они не слишком тщательно разведали обстановку, — пророкотал Тул Дуру. — Похоже, Бетод поймал их в ловушку.

— Может, был туман, — сказал Ищейка. — Как сегодня.

Тридуба пожал плечами.

— Возможно. В это время года много туманов. Так или иначе, они шли по дороге, колонной, усталые после длинного дневного перехода. Бетод напал на них отсюда и вон оттуда, с хребта. Сперва стрелы, чтобы сломать ряды, потом пошли карлы — сверху вниз, с воплями и мечами наготове. По-моему, союзники сломались быстро.

— Точно, быстро, — вставил Доу.

— Затем началась резня. Союзники рассеялись вдоль дороги, их прижали к воде, бежать было некуда. Кто-то стаскивал с себя панцирь, кто-то пытался переплыть речку прямо в доспехах. Люди сбились в кучу, лезли по головам, сверху на них сыпались стрелы... Кто-нибудь, конечно, мог вырваться и добежать до леса, но, как мы знаем, у Бетода в запасе всегда есть несколько всадников, чтобы закончить дело.

— Дерьмо, — снова произнес Ищейка.

Ему было очень тошно. Он побывал в подобной переделке на стороне проигравших, и вспоминать об этом было весьма неприятно.

— Все прошло как по маслу, — сказал Тридуба. — Надо отдать ему должное: Бетод знает свое дело лучше всех.

— Так что же, вождь, все кончено? — спросил Ищейка. — Бетод победил?

Тридуба покачал головой, спокойно и неторопливо.

— Есть еще южане, и их страшно много. В основном живут за морем. Говорят, их там столько, что и не сосчитаешь. Больше, чем деревьев на всем Севере. Может, они не сразу доберутся сюда, но они придут. Это лишь начало.

Ищейка глянул на мокрую долину, на всех этих мертвецов. Кто-то свернулся в клубок, кто-то раскинул руки, кто-то скрючился в нелепой позе. Теперь они пища для ворон, и только.

— Для них нет никакого начала.

Доу высунул свернутый трубочкой язык и сплюнул нарочито шумно.

— Загнали в угол и перерезали, словно стадо овец! Хочешь так умереть, Тридуба? А? Хочешь примкнуть к ним? Гребаный Союз! Они не умеют воевать!

Тридуба кивнул:

— Значит, придется их научить.

У ворот образовалась страшная давка. Изможденные женщины с голодным блеском в глазах. Оборванные и грязные дети. Мужчины, старые и молодые, согнувшиеся под тяжелыми тюками или вцепившиеся в свои пожитки. Некоторые вели в поводу мулов, другие толкали повозки с каким-то ненужным барахлом: стульями, оловянными котлами, сельскохозяйственным инструментом. Многие не имели вообще ничего, кроме груза собственного горя. Этого добра, подумал Ищейка, тут с избытком хватит на всех.

Они загромождали дорогу собой и своим скарбом. Они наполнили воздух мольбами и угрозами. Ищейка чуял их страх, его тяжелый запах забивал ноздри и был густым, как суп. Все бежали от Бетода.

Они распахивали друг друга плечами, кто-то проталкивался вперед, кого-то выталкивали назад, то здесь, то там люди падали в грязь, и все отчаянно стремились к воротам, словно к мамкиной титьке. Однако эта толпа топталась на месте. Ищейка видел поблескивавшие над головами острия копий, слышал выкрики грубых голосов: там, впереди, были солдаты, и они не пускали людей в город.

Ищейка наклонился к Тридубе.

— Похоже, им здесь и свои не нужны, — прошептал он. — Думаешь, для нас сделают исключение, вождь?

— Без нас они не обойдутся, это факт. Поговорим с ними, а потом посмотрим. Или у тебя есть предложение получше?

— Например, вернуться домой и не связываться с этим делом, — пробормотал Ищейка сквозь зубы, но все же двинулся следом за Тридубой в гущу толпы.

Южане устали на них, когда они начали протискиваться к воротам. Одна маленькая девочка глядела на проходившего мимо Ищейку огромными глазами, прижимая к себе какую-то ветошь. Ищейка попытался улыбнуться ей, но он так давно не имел дела ни с кем, кроме суровых людей и твердого металла, что улыбка получилась не особенно милой. Девочка вскрикнула, бросилась прочь, и она была не единственная, кто испугался. Толпа настороженно и молчаливо расступалась в стороны, хотя Ищейка и Тридуба не взяли с собой оружия.

До ворот добрались без затруднений, разве что пришлось пару раз подтолкнуть стоявших на пути, чтобы заставить их подвинуться. Теперь Ищейка видел солдат — дюжина бойцов выстроились в линию напротив ворот, одинаковые, как близнецы. Ему редко доводилось видеть такие тяжелые доспехи; отполированные до ослепительного блеска, они прикрывали стражников с головы до ног, а лица прятались за шлемами. Солдаты стояли неподвижно, как металлические колонны. Ищейка прикинул, как с ними сражаться, если придется. Ни стрела, ни даже меч их не возьмут, разве что повезет попасть в сочленение пластин...

— Скорее подойдет что-то вроде клевца...

— Что? — прошипел Тридуба.

— Да так, ничего.

Да, у них в Союзе очень странные представления о войне. Если бы войны выигрывала та сторона, что сильнее блестит, они бы разделили Бетода под орех, подумал Ищейка. Жаль, что дело обстояло иначе.

Командир сидел между ними за маленьким столиком, заваленным обрывками бумаг, и казался самым странным из всей компании. На нем было надето что-то вроде куртки ярко-красного цвета. Странная одежда для командира, подумал Ищейка, ведь его можно запросто снять стрелой. Да и больно молод для такого дела, борода едва пробивается. Однако, несмотря на все это, выглядел командир вполне самодовольно.

Перед ним стоял здоровяк в грязной куртке и что-то ему доказывал. Ищейка прислушался, пытаясь разобрать язык союзников.

— У меня пятеро детей, — говорил крестьянин, — а кормить их нечем. Что, по-вашему, я должен делать?

Тут же встрял какой-то старик:

— Я личный друг лорд-губернатора, и я требую, чтобы меня пропустили!..

Юнец не дал закончить ни тому ни другому:

— Мне абсолютно наплевать, чей вы друг, и меня не заботит, будь у вас хоть сотня детей! Остенгорм переполнен. Лорд-маршал Берр постановил, что в город допускается не более двухсот беженцев в день, и на сегодняшнее утро лимит исчерпан. Приходите завтра. Пораньше.

Двое мужчин не двинулись с места, уставившись на него.

— Лимит? — прорычал крестьянин.

— Но лорд-губернатор...

— Черт вас подери! — взвизгнул юнец, истерически хлопнув по столу ладонью. — Только попробуйте еще что-нибудь сказать! Вы у меня попадете в город, будьте покойны! Я прикажу втащить вас в него за шкирку и повесить как изменников!

Этого оказалось достаточно, чтобы его собеседники поспешно ретировались. Ищейка начал подумывать, не стоит ли последовать их примеру, но Тридуба уже пробирался к столу. Мальчишка посмотрел на них и скорчил гримасу, словно от пришельцев воняло хуже, чем от пары свежих коровьих лепешек. Ищейку бы это ничуть не тронуло, если бы накануне он не помылся специально для этого случая. Он не был таким чистым уже много месяцев.

— А вам какого черта здесь надо? Мы не нуждаемся ни в шпионах, ни в попрошайках!

— Это хорошо, — отозвался Тридуба спокойно и терпеливо. — Потому что мы ни те ни другие. Мое имя Рудда Тридуба, а вот этого парня зовут Ищейка. Мы хотим поговорить с тем, кто у вас командует. Мы пришли предложить нашу службу вашему королю.

— Предложить службу? — На губах юнца появилась улыбка. Ничуть не дружелюбная. — Как ты сказал — Ищейка? Интересное имя. Даже не могу представить, за что его так назвали.

Он позволил себе слегка хихикнуть над этим образчиком остроумия, и до Ищейки донеслись смешки окружающих. Настоящее сборище кретинов, решил он. Только посмотреть на них, затянутых в фасонные костюмчики и сверкающие доспехи! Да, самое настоящее сборище кретинов, но нет смысла говорить это вслух. Хорошо, что не взяли с собой Доу: тот уже выпустил бы молодому дураку кишки, и их бы всех перебили.

Юнец подался вперед и заговорил медленно-медленно, словно обращался к детям:

— Северянам не позволено входить в город. Только по особому разрешению.